

Не такие мы уж и посторонние

Почта мая и июня принесла в редакцию немало интересных писем о людях хороших. Их ведь у нас «гораздо больше, чем плохих». Так во всяком случае утверждалось в песне, которую пела в фильме «Карнавальная ночь» актриса Людмила Гурченко.

Вот и Майя Павловна Суслова из Углича пишет о замечательном человеке, с которым свела её жизнь. Наша читательница прислала в «Северный край» целую подборку газетных материалов, которые собирала на протяжении многих лет, сопроводив увесистую баннероль и своим рассказом. Посвящён он учителю, первому директору Ярославского детского дома музыкально-художественного образования Нине Николаевне Винокуровой. Совсем недавно это уникальное в области учебное заведение отметило 60-летие, и в память о Нине Николаевне, так много сделавшей для его воспитанников, ему было присвоено её имя. Мемориальная доска на здании детского дома, который находится в Ярославле на улице Салтыкова-Щедрина, уведомляет об этом. А Майя Павловна своим письмом хочет напомнить ярославцам о том, что же это был за человек, Нина Николаевна Винокурова...

Детдом этот был создан в 1949 году. Война уже закончилась, но первыми воспитанниками его стали всё же дети войны. Почти всех их малютками вывезли из блокадного Ленинграда – голодных, полуживых. В Ярославской области в войну было создано около двухсот детдомов для юных ленинградцев, и в одном из них работала воспитателем Н. Н. Винокурова. Сама она была уроженкой Угличского района. После окончания сельской школы переехала к родственникам в Ленинград, закончила там педагогическое училище и поступила на филфак ЛГПИ имени Герцена, сообщает Майя Павловна. Но был уже 1941 год, началась война, и вскоре Ленинград стал прифронтовой полосой. Вместе с другими студентами Нина оказалась на положении мобилизованной, участвовала в строительстве оборонительных рубежей, рыла окопы под Пулковом. Самым ужасным, вспоминала она позже, был для неё и её товарищей день 8 сентября 1941 года, когда враг впервые подверг Ленинград массовой бомбёжке и обстрелу. Тогда же были уничтожены знаменитые Бадаевские продовольственные склады. Жители города были фактически обречены на голод.

Зима в тот год наступила рано и была особенно морозной. Нормы хлеба снижались пять раз, пока не дошли до 125 граммов в день. Нина Николаевна рассказывала о том, как они, студенты, разрезали эту порцию на маленькие кусочки и подсушивали на буржуйке, чтобы потом как можно дольше держать их во рту... Трудно было взрослым, однако самыми большими мучениками в городе были дети. Юная Нина навсегда запомнила, как отрывали еле тёплого ребёнка от холодного уже труп матери. Именно тогда и дала девушка себе клятву – посвятить всю свою жизнь детям блокадного Ленинграда. Она помогала спасать их, собирала по городу, чтобы определить в детский дом. В 1942 году вместе с другими блокадниками была эвакуирована в Ярославскую область, в родной Углич. Там, на улице Карла Маркса, разместился дет-

Нина Николаевна Винокурова.

дом с ленинградцами, который вскоре возглавила начинающий педагог.

Трудно возвращались блокадники к жизни. Всё время хотелось есть. Да и жизнь тогда в Угличе была тоже нелёгкой даже в чисто бытовом плане. Воду, например, для всех детдомовских нужд его сотрудникам приходилось возить с Волги в бочке. Выручала детдомовская лошадка Савраска, вспоминала Нина Николаевна.

Радостно встретили ленинградцы весть о снятии блокады, о победе советского народа в Великой Отечественной войне, но возвращаться на берега Невы им было не к кому, да и некуда. Жизнь продолжалась в Угличе, ребята подрастали, оперялись. Нину Винокурову, молодого, энергичного, грамотного педагога, заметили и по достоинству оценили в органах образования и райкоме комсомола. Однажды ей предложили взяться в Ярославле за организацию детского дома нового типа. В нём предполагалось разместить музыкально и художественно одарённых ребят, дать им помимо общего ещё и специализированное образование, развивающее их таланты.

Начинать было трудно. Первых пятьдесят воспитанников собирали со всей области. На все таланты было лишь два клавишных инструмента и два баяна. Но многие дети и не стремились заниматься музыкой, всячески избегали эти уроки, которые почему-то считали несерьёзными, и молодому директору приходилось буквально уговаривать сестр за музыкальный инструмент тех, кто впоследствии, с её легкой руки, окончил консерваторию...

До 1976 года проработала руководителем этого детдома Нина Николаевна Винокурова. Но и уйдя на пенсию, не прерывала она связи с ним. Заложенные ею традиции воспитания, отношение педагогов к детям живы здесь и сегодня, и об этом говорили на юбилее детдома все, кто пришёл на торжество. Значит, память

о ней живёт не только в строчках, выбитых на мемориальной доске. Именно этого и хотелось бы Майе Павловне Сусловой, в пятидесятые годы прошлого века, будучи студенткой Угличского педучилища, проходившей практику в одном из детдомов города, среди воспитанников которых были дети, спасённые Ниной Николаевной Винокуровой. И впоследствии именно этот факт помог Майе Павловне познакомиться с таким удивительным человеком, память о котором и несёт она через всю свою жизнь.

Ещё одно письмо пришло от жительницы Ярославля Валентины Васильевны Сычёвой. Долгие годы работала она председателем Радищевского сельисполкома Угличского района. И в этом письме тоже есть строчки о судьбе человека – поэта Людмилы Фёдоровны Николаевой,

Людмила Фёдоровна Николаева.

чья родовые корни связаны с угличской землёй. Ученики Радищевской школы под руководством своих педагогов вот уже пятнадцать лет занимаются краеведением, восстанавливают историю родного края, историю исчезнувших деревень, биографии земляков, оставивших свой светлый след на родной земле. «Ученица восьмого класса Маша Тюкина, – пишет Валентина

Васильевна, – занималась изучением истории домов села Никольского, сохранившихся с XIX века, в одном из которых и жила семья Шульгиных: Василий Николаевич и Александра Андреевна, дедушка и бабушка будущей поэтессы. Имели они справное хозяйство, в доме было много дорогих картин, добротная мебель. Возможно, именно это и послужило основанием к раскулачиванию Шульгиных в тридцатые годы, выселению их из дома. А уже в сороковые колесо сталинских репрессий прокатилось и по судьбе Людмилы Фёдоровны. В семнадцать лет, будучи студенткой, за чтение собственного стихотворения о Сталине – о том, почему отступает Красная армия и почему войне не видно конца, а голод и холод убивают людей, – по доносу попала она в уральские лагеря, из которых освободилась только в 1946 году по амнистии. После освобождения по совету матери переехала Людмила Фёдоровна на родину предков – в Углич. Она полюбила Никольское, посвятила ему много своих стихов.

Несмотря на пережитое, Людмила Фёдоровна осталась очень добрым, отзывчивым на чужую беду человеком. Такой её запомнили никольцы. Она часто бывала в селе, встречалась с учителями и учащимися сельской школы, читала им свои стихи, односельчане и по сей день вспоминают эти встречи. А когда недавно уже нынешние ученики сельской школы решили провести в селе вечер памяти поэтессы – Людмила Фёдоровна ушла из жизни в 1999 году, – дети сами читали её произведения.

А вот ещё одно письмо и выцветшая фотография, на которой трое мальчишек-подростков собрались на рыбалку. Удочка в руках одного из них, словно победный меч, вскинута вверх. Снимку этому более полувека. А один из изображённых на нём – художник Владимир Сибрин. Человека этого в Ярославле знают многие, его картины не раз выставлялись на городских вернисажах. Он умел находить таланты среди тех, кто просто увлекался живописью, старался поддерживать их, помогал развивать природные склонности. Детский друг Владимира Александровича – Д. В. Петряков пишет о том, что «душевная чистота и талант Володи проявлялись в нём уже в детские годы. Он и тогда очень любил рисовать и писать маслом». Сам автор письма тоже увлекался изобразительным искусством, это объединило ребят. Однажды Д. В. Петряков (к сожалению, он не назвал своего полного имени) попросил Володю «попозировать для одной из своих работ» – вот тогда и был сделан снимок, который автор прислал нам в редакцию, с тем чтобы передать его супруге Владимира Александровича – Александре Георгиевне.

...Три письма – в них похожие и непохожие друга на друга судьбы наших земляков, о которых рассказали люди, казалось бы, совершенно им посторонние. Но вот помнят. А может, не такие уж и посторонние все мы, раз живём на одной земле и так часто зависим друг от друга. Почаще бы вспоминать об этом в сутолоке наших дней, в дорожной и магазинной толчее. Может, тогда и живущим рядом с нами, и нам самим станет лучше, теплее в жизни.

Почту читала
Ирина ХРУПАЛОВА.